

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.69>

Куликова Ирина Михайловна, Мальцева Ирина Всеволодовна

[Семантическое наполнение мифологемы дерева в натурфилософии П. С. Бахлыкова](#)

В статье рассмотрены семантические варианты мифологемы "дерево" в романе югорского писателя П. Бахлыкова "Медвежья падь". Цель - выявить функциональные особенности мифологемы как одной из доминант содержательной организации художественного пространства романа. Научная новизна обусловлена тем, что анализ произведения П. Бахлыкова в указанном аспекте предпринят впервые. Полученные результаты показали, что семантическая структура образа дерева в романе позволяет реконструировать мифопоэтическую концепцию мироустройства, восходящую к архетипическим основам мировоззрения русского и хантыйского народов, населяющих Сибирь.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/12/69.html

Источник

[Филологические науки. Вопросы теории и практики](#)

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 12. С. 344-347. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/12/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

9. **Можаева Т. Г.** Языковые средства реализации кинематографичности в художественном тексте (на материале произведений Г. Грина, Э. Хемингуэя, М. Этувд): автореф. дисс. ... к. филол. н. Барнаул, 2006. 22 с.
10. **Рудницкая Ю. К.** Поэтика киноромана эпохи нэпа: транспонирование приема (на примере романов М. Шагинян «Месс-Менд, или Янки в Петрограде» (1923-1924), В. Иванова и В. Шкловского «Иприт» (1924-1925)) // Уральский филологический вестник. 2014. № 5. С. 278-299.
11. **Синявская О. Ю.** «Трехмерная модель чтения»: интермедиаальный образ эпохи 90-х в творчестве Алексея Иванова // Медийные процессы в современном гуманитарном пространстве: подходы к изучению, эволюция, перспективы: материалы V Научно-практической конференции / под ред. Я. В. Солдаткиной, А. А. Роговского, И. Б. Чернявского. М.: Спутник+, 2020. С. 23-30.
12. **Carroll N.** The philosophy of horror: Or, paradoxes of the heart. L.: Routledge, 2003. 272 p.

Literary Cinematography in Alexey Ivanov's Novel "Food Unit"

Kulikova Daria Leonidovna

Lomonosov Moscow State University

dasha0kulikova@yandex.com

The research aims to identify peculiarities of using cinematic techniques in the novel "Food Unit" by A. V. Ivanov. The article studies involvement of horror images and motifs developed in cinema and reinterpreted by Ivanov; describes film techniques: editing, change of narrative perspectives, colour imagery. Scientific novelty of the work lies in defining the genre nature of "Food Unit" as a film novel, i.e. a literary work oriented towards intermedial perception. As a result, it is proved that Ivanov taps into cinema as a medium for horror motifs, which allows him to create his own model of the vampire world against the background of the cinematic tradition.

Key words and phrases: A. V. Ivanov; horror; intermediality; film novel; vampire world.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.69>

Дата поступления рукописи: 12.11.2020

В статье рассмотрены семантические варианты мифологемы «дерево» в романе югорского писателя П. Бахлыкова «Медвежья падь». Цель – выявить функциональные особенности мифологемы как одной из доминант содержательной организации художественного пространства романа. Научная новизна обусловлена тем, что анализ произведения П. Бахлыкова в указанном аспекте предпринят впервые. Полученные результаты показали, что семантическая структура образа дерева в романе позволяет реконструировать мифопоэтическую концепцию мироустройства, восходящую к архетипическим основам мировоззрения русского и хантыйского народов, населяющих Сибирь.

Ключевые слова и фразы: П. С. Бахлыков; роман «Медвежья падь»; мифологема; Мировое древо; Древо жизни.

Куликова Ирина Михайловна, к. филол. н., доц.

Сургутский государственный университет

kim0153@mail.ru

Мальцева Ирина Всеволодовна

Сургутский естественно-научный лицей

irina_ysevolod@mail.ru

Семантическое наполнение мифологемы дерева в натурфилософии П. С. Бахлыкова

Введение

П. С. Бахлыков принадлежал к числу тех мастеров слова, кто стремился философски осмыслить бытие человека в мире. Его «концепция сущего» во многом совпадала с натурфилософией представителей русской «деревенской прозы». Его творчество пересекалось с мотивами произведений крупных этнических писателей. Этих художников сближали общая проблематика, ориентированная на традиционные, природные начала бытия, вырабатываемая поэтика, система персонажей. Художественная структура их текстов во многом основывается на совмещении символики архетипов и мифологем с реалиями конкретного этнографического ландшафта, что позволяет «разомкнуть» границы локального пространства и придать ему общечеловеческий ценностный статус.

Натурфилософское понимание мира присуще творчеству П. Бахлыкова в целом – его публицистике, живописи, поэзии и прозе. В «концентрированном» виде его мировоззренческая система нашла отражение в романе «Медвежья падь» – единственном художественном произведении, которое так и осталось, по существу, неисследованным. *Актуальность* предпринятого исследования во многом обусловлена современными научными исканиями: возникновением филологической регионалистики, основной задачей которой

является «изучение широкого спектра местнографических реалий» [9, с. 10], позволяющих посмотреть на творчество региональных писателей с новой точки зрения. В таких текстах локальная картина мира и культурный ландшафт ярче всего выявляются в границах изучения поэтики пространства, или геопоэтики (К. Уайт), которая может быть определена как «ментальное, интеллектуальное, художественное освоение человеком географического пространства» [3, с. 337].

В *задачи* исследования входили определение семантики мифологемы дерева в славянской и угорской картине мира в пределах пространства романа, выявление смыслового наполнения мифологемы в произведении с учетом литературного контекста времени. При решении поставленных задач использовались типологический, сравнительно-исторический *методы исследования*, а также метод целостного анализа.

Теоретической базой исследования стали изыскания в области поэтики мифа и мифоритуальной традиции (труды Е. М. Мелетинского, С. А. Токарева, В. Н. Топорова, А. М. Сагалаева, М. Элиаде и др.), научные разработки по славянской и угорской мифологии (исследования А. Гейштора, Д. К. Зеленина, К. Ф. Карьялайнена, М. Ф. Косарева, Т. Лехтисало, В. Н. Чернецова и др.), работы угорских ученых по данной проблематике (Т. В. Волдиной, Т. А. Молдановой, Е. И. Ромбандеевой и др.).

Практическая значимость исследования состоит в возможности его применения в разработке и преподавании в вузах общих и специальных курсов по истории русской литературы, литературы народов Югры, культурологии, филологической регионалистики. Представленные в статье материалы могут быть использованы в школьных и вузовских курсах истории литературы и краеведения.

Функциональная роль мифологемы дерева в славянской и угорской картине мира в контексте романа

Будучи непрофессиональным писателем, П. Бахлыков часто ориентировался на «чужой» опыт, прежде всего писателей-«деревенщиков», которые в поиске онтологических оснований сущего нередко обращались к символике мифов и к архаическим воззрениям как наиболее универсальным, позволяющим объяснить в том числе и современное мироустройство. Сближает П. Бахлыкова с писателями-сибиряками и использование приема совмещения концептов, разных по своим культурным основаниям. В «Медвежьей пади» – это «наложение» славянских и угорских конструктов, что связано с особенностями заселения территории Югры, уникальный образ которой создавал писатель.

В моделируемом П. Бахлыковым в «Медвежьей пади» локусе важную роль играет мифологема дерева, имеющая свою семантику и свое аксиологическое поле, выступающая в качестве одной из доминант формальной и содержательной организации пространства текста. В «деревенской прозе» символика образа Мирового древа, согласно славянским представлениям находящегося на острове Буяне в центре водного пространства [10, с. 31, 68, 260], наиболее полно была обыграна В. Распутиным в «Прощании с Матёрой»: это своеобразная ось, скрепляющая мир; место «акта творения» (вода), «середина мира»; место пересечения макрокосмоса и микрокосмоса [7]. Отголоски этого мифа у П. Бахлыкова можно отметить лишь в мотиве нахождения такого дерева (отождествляемого с Мировым) на острове, в окружении воды как стихии первотворения. Однако в трактовке образа писатель ближе к мифопоэтическим представлениям угров о Мировом дереве, крона которого касается неба, а корни уходят глубоко в землю, символизируя «соединение миров» [4, с. 85]. Реминисценции с угорским вариантом мифа можно отметить в предпоследней главе романа. Здесь дано описание поляны с громадными кедрами и елями – столь высокими, что «их вершины пронзали небо, а проплывающие облака касались их ветвей» [1, с. 228]. Под одной из таких елей стоит «древний идол... с печальными глазами», словно «освящая» это место, подчеркивая его сакральность как «центра мира», поскольку Мировое древо может дифференцироваться (предстать как два-три и более дерева) [7]. Подчеркивает сакральность места и актуализация факта того, что раньше здесь было остяцкое святилище. Это отражает особенности архаического мышления, ориентированного на выделение центров, определяющих координаты конкретного пространственно-временного единства и обеспечивающих соблюдение природного и социального порядка [Там же]. Упоминание о возникшей рядом, в низменном месте, горе, наверху которой «росли вековые деревья» и вокруг которой поставили свое городище первые поселившиеся здесь остяки, отсылает к той же мифологеме: гора в космологии может выступать в качестве варианта Мирового дерева [Там же]. И хотя образ горы здесь подвергся существенной демифологизации и десакрализации, он все же не стал «простым локальным указателем» (В. Топоров). Этот образ можно трактовать как обозначение того, что было «в начале», связав с одним из сюжетов о сотворении мира, согласно которому гора (в мировоззренческой системе угро-самодийских народов – Уральские горы) выступает в качестве космической опоры [Там же].

Выбор священного дерева чаще всего обусловлен особенностями растительного мира местности. В этом отношении в романе в большей степени отражены мифологические представления юганских хантов, нежели переселившихся на эти земли русских. Исключение составляет лишь образ березы как одного из наиболее важных культовых деревьев у славян и некоторых сибирских этносов [5, с. 64, 71]. Табуацию крупных деревьев Д. Зеленин относил к проявлениям ранних верований – тотемизму и фетишизму [Там же, с. 40, с. 67-68], что подчеркивает древность сохраненных этносами мировоззренческих установок. Для мифопоэтического сознания угров и славян также характерно сближение дерева и храма как священных мест, где совершались обряды, а соотнесение деревьев с невидимыми духами подчеркивает связь мифологемы с анимистическими представлениями: природа – мир, где царствуют духи, а не люди.

Семантическое наполнение мифологемы дерева в романе

К категории почитаемых и священных относились отдельные деревья, особенно старые, располагавшиеся изолированно и напрямую не связанные с миром людей. Выделение в пространстве романа «могучего, в три обхвата, кедра» более других вызывает ассоциации с архетипом Мирового дерева. В соответствии с мифопоэтической символикой «могучий кедр» расположен в глубине тайги, выделяясь на фоне остальных деревьев («самое видное дерево», по выражению К. Карьялайнена). Образ кедра вызывает реминисценции с угро-самодийским мифом о первом дереве, выросшем на клочке земли посреди воды в эпоху первотворения. Косвенно «заглавную» роль дерева подтверждает и фамилия главного героя – Прокопия Кедрова. «Центральное» положение кедра в пространстве окружающего природного мира подчеркивает также тот факт, что могучее дерево не позволило погибнуть «соседке-ели», подхватив ее в свои объятия. Между тем стоящая рядом с кедром ель, соотносимая в мифологии угров с представлениями о нижнем мире, тоже может выполнять функции Мирового дерева [8, с. 388, 409].

«Отношения» кедра и ели в романе сопоставимы с историей «дружбы» Лиственя и березы у В. Распутина. Но Лиственя и кедр все еще сохраняют свою могучую силу, несмотря на древний возраст, береза и ель уже истратили жизненную энергию («состарились», «устали»). В этой ипостаси образ кедра в романе сопоставим с некоторыми содержательными аспектами мифологемы Дерева жизни (как варианта Мирового дерева), воплощающего всю полноту сущего. По утверждению М. Косарева, в сибирском язычестве в целом и в шаманизме в частности две функции вселенского дерева («мировая ось» и «дерево жизни») органически переплетены и взаимосвязаны [6, с. 248-249]. По наблюдениям И. Бедаревой, сходные тенденции в использовании художественного потенциала образа кедра как ключевого символа алтайской мифологии проявляются в русской литературе Горного Алтая [2].

Вместе с тем в роли Небесного либо Мирового дерева у народов Сибири и Урала чаще выступает береза [5; 6, с. 240]. А. Гейштор отмечает, что березу особенно ценили угро-финские народы и жители северо-восточной Руси [12, с. 200-202]. Береза, наряду с елью и сосной, играла роль космического, мирового дерева в удмуртской мифологии [11, с. 64]. Культ березы как Мирового дерева с семью ветвями и семью корнями широко распространен у ненцев [7]. Но в романе П. Бахлыкова береза остается в основном приметой реального ландшафта, описание ее дается в соответствии с русской поэтической традицией («Березы низко склонили свои дивные косы»; «березовые рощи, распустив свои длинные косы с молодой клейкой листвой»; «словно девчата, выскочили на мысок юные березки» и т.п.). Один раз в тексте береза упоминается в роли культового дерева – в эпизоде описания священной поляны: «На толстых, корявых от старости березах висят саженные разноцветные ткани» [1, с. 186]. Это подчеркивает соотносительность березы с культом общегорской богини Калташ, связываемой с рождением и смертью. Береза (чаще семиствольная) в качестве «дома Калташ» является «семантическим центром мироздания» (А. Сагалаев), осуществляя функции Дерева жизни, а восседающая на ней богиня-мать, отвечая за воспроизводство человеческих жизней в «среднем мире», олицетворяет источник существования [4, с. 86, 88]. Сходные функции березы как одного из основных воплощений божества плодородия Н. Шутова отмечает в удмуртской культуре, отмечая, что в качестве дара к стволу березы часто привязывались лоскутки и полотенца [11, с. 64]. Не противоречит культ березы и славянским представлениям, где береза выступает как символ женского начала, как «счастливое» дерево и связывается с благополучием семьи, рождением ребенка, оберегает от зла и одновременно может соотноситься с нечистой силой и душами умерших [10, с. 44-46].

В качестве священных объектов у народов Сибири чаще других деревьев почитаются кедр и лиственница. В этом качестве оба дерева в романе П. Бахлыкова расположены на священной поляне напротив друг друга. Здесь автор более значимую роль отводит «древней гордой лиственнице»: именно на ее стволе вырублен шаманом идол «с глазами... обрамленными кусочками бронзы», а между корневищ «лежат принесенные в дар всемогущим духам» старинные монеты [1, с. 185]. На кедре висели «приклады» – жертвенные дары в виде шкур животных разных времен. Четвертое дерево, стоящее на древнем капище, – ель: она ближе всех к «шаманскому» дереву, на ней висят звериные и животные черепа («атрибуты» шаманского места). Однако в описании угодий «современного шамана» Паньки функции всех культовых деревьев отведены кедру: на толстых стволах этих деревьев вырезаны лица духов, уже покрытые мхом либо вырубленные недавно («молодые еще проливают янтарную слезу» [Там же, с. 130]); на суках висят медвежьи черепа, олени и лосиные рога; здесь происходит обряд камлания. Выделение кедра соответствует традиционным представлениям угров: это дерево считается священным у многих этнических групп, с ним связаны культовые места и шаманские обряды (в том числе в районе Васюгана [4, с. 85], примыкающего к Юганскому заповеднику), он мог соотноситься с важными божествами – Мир-сусне-хумом [8, с. 373-374, 388] и даже с главой пантеона Нуми-Торумом [4, с. 86].

Выделение кедра, сосны, лиственницы, ели соответствует реальному ландшафту Западной Сибири, распространности на территории (особенно Юганского края) этих пород деревьев. Именно такие деревья изображены на живописных полотнах П. Бахлыкова. Но в этих опытах художник не использует мифопоэтическую символику в качестве художественного приема. В романе, характеризуя природу Югры, писатель стремится «разомкнуть» текст в пространство архаических представлений. Это достигается тем, что здесь постоянно подчеркивается не только высота и мощь деревьев (как культовых объектов), но и одновременно их древний возраст: «гигантские вековые ели», «вековые ели и кедры», «на вершине многовековой сосны», «огромный кедр», «могучие деревья», «высокие вершины лиственниц и елей», «старая, в три обхвата, ель», «высокая сухая сосна» и т.д. Это позволяло фиксировать устойчивость бытия во времени и утверждать

единство мироздания в пространстве. Реальные образы деревьев по ходу развития основной философской мысли романа становятся овеществленными символами, вызывая ассоциации и аналогии, обосновывающие натурфилософское понимание отношений человека и природы.

Заключение

Проведенные наблюдения позволяют сделать следующие *выводы*. В творчестве П. Бахлыкова особое значение имеет образ «места» – уникальной территории Югании, глубоко связанной с мироощущением и мировоззрением людей, живущих в ее пределах. В представленной им картине мира важнейшими моделирующими средствами реального и мифологического «места»-пространства выступают архетип дерева и его варианты, имеющие различную символику и смысловую наполненность, трансформируясь в мифологемы Мирового древа и Древа жизни. Овеществленным символом Мирового древа как модели мироздания и одновременно маркера сакрального центра и реального ландшафта в романе выступает преимущественно кедр, структурирующий текст на всех уровнях, являясь «центром» происходящих в романе событий. Функционирование мифологемы Древа в романе связано также с елью, березой, сосной, лиственницей, предстающих в качестве культовых объектов и одновременно указателей природных особенностей территории. Образ Древа в романе несет дополнительную смысловую нагрузку, так как включает в себя содержательные стороны мифологемы Древа жизни, воплощающего в универсальной концепции мира многообразие и полноту жизни. Введение мифопоэтической символики и привлечение ее семантического потенциала позволяли П. Бахлыкову подчеркнуть основную идею своей концепции природы: природное бытие по отношению к другим формам земной жизни объективно и первично.

Перспектива дальнейшего исследования видится в аспекте выявления семантического наполнения и трансформации базовых пространственных мифологем, мифологемы культурного героя, символики космогонических мифов в романе «Медвежья падь» и в творчестве П. Бахлыкова в целом.

Список источников

1. **Бахлыков П. С.** Медвежья падь: роман. Тюмень: СофтДизайн, 1997. 240 с.
2. **Бедарева И. А.** Базовые пространственные мифологемы в русской литературе Горного Алтая XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 10 (64). Ч. 3. С. 20-22.
3. **Бурцева Ж. В.** Крайний Север как геополитический образ в литературе малочисленных народов Севера Якутии // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2020. Т. 30. Вып. 2. С. 337-342.
4. **Волдина Т. В.** Образ древа жизни в традиционной культуре обских угров в контексте реинкарнации // Финно-угорский мир. 2015. № 4. С. 84-90.
5. **Зеленин Д. К.** Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 80 с.
6. **Косарев М. Ф.** Образ дерева в мифоритуальной традиции сибирских народов // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии: сборник статей / отв. ред. М. Ф. Косарев. М.: Таус, 2006. С. 239-253.
7. **Мифы народов мира** [Электронный ресурс]: энциклопедия / гл. ред. С. А. Токарев. URL: <https://may.alleng.org/d/inform/inform057.htm> (дата обращения: 02.10.2020).
8. **Петрухин В. Я.** Мифы финно-угров. М.: Астрель; АСТ; Транзиткнига, 2005. 463 с.
9. **Полякова Л. В.** Филологическая регионалистика как наука: к постановке проблемы // Филологическая регионалистика. 2012. № 2 (8). С. 7-12.
10. **Славянская мифология:** энциклопедический словарь / отв. ред. С. М. Толстая. Изд-е 2-е. М.: Международные отношения, 2002. 512 с.
11. **Шутова Н. И.** Древо в традиционном удмуртском мировоззрении // Ежегодник финно-угорских исследований. 2011. № 2. С. 56-71.
12. **Gieysztor A.** Mitologia Słowian. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2006. 407 s.

Mythologeme “Tree” in P. S. Bakhlykov’s Natural Philosophy

Kulikova Irina Mikhailovna, PhD

Surgut State University

kim0153@mail.ru

Maltseva Irina Vsevolodovna

Surgut Natural Science Lyceum

irina_vsevolod@mail.ru

The article examines semantic variants of the mythologeme “tree” in the novel “Bear Fold” by the Yugra writer P. S. Bakhlykov. The paper aims to identify functional peculiarities of the mythologeme as a key component of the novel’s artistic space. Scientific originality of the study is conditioned by the fact that P. Bakhlykov’s novel is for the first time analysed from this viewpoint. The following conclusions are justified: the author’s interpretation of the tree image allows reconstructing the mytho-poetical worldview based on archetypes of the Russian and Khanty culture.

Key words and phrases: P. S. Bakhlykov; novel “Bear Fold”; mythologeme; World Tree; Tree of Life.